

Александр Амфитеатров

Кельнерша

Александр Амфитеатров
Кельнерша

«Public Domain»

1922

Амфитеатров А. В.

Кельнерша / А. В. Амфитеатров — «Public Domain», 1922

«Сидим мы с знакомым немцем, профессором русского университета в ученой командировке, в некотором константинопольском кафешантане. Скука страшная; безголосые певицы, сильные «дизёзки», дамский оркестр aus Wien, кто в лес, кто по дрова. В Константинополе по вечерам туристу некуда деваться: день очень интересен – по крайней мере, для охотника до старины, византийщины и азиатчины, а ночью, если вы избалованы удовольствиями, лучше спите – все равно ничего не найдете путного...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Валентинович Амфитеатров

Кельнерша

I

Сидим мы с знакомым немцем, профессором русского университета в ученой командировке, в некотором константинопольском кафешантане. Скука страшная; безголосые певицы, сиплые «дизёзки», дамский оркестр aus Wien¹, кто в лес, кто по дрова. В Константинополе по вечерам туристу некуда деваться: день очень интересен – по крайней мере, для охотника до старины, византийщины и азиатчины, а ночью, если вы избалованы удовольствиями, лучше спите – все равно ничего не найдете путного.

Молодая, рослая кельнерша поставила перед нами по рюмке коньяку, повернулась и ушла.

– Посмотрите, какая прелестная фигура, – указал я компаньону, вдогонку ей.

Кельнерша остановилась и обратила к нам улыбающееся лицо.

– Благодарю вас за комплимент, – услышал я насмешливый ответ на чистейшем русском языке.

– Вот тебе раз! Соотечественница?!!

– Как видите.

– Так присаживайтесь к нам, пожалуйста, разделите компанию.

Кельнерша согласилась. Это была очень красивая женщина, лет двадцати пяти – шести, не старше, с настоящим великорусским лицом, круглым и розовым; карие глаза смотрят бойко и весело, а главное – умно; сочный рот улыбается, русых волос хватит на три хороших косы... прелесть что за создание!

– Ну-с, господа, – начала она, укладывая на стол холеные белые руки, – во-первых, требуйте чего-нибудь порядочного, подороже, чтобы я имела право как можно дольше просидеть с вами; я давно не встречала русских и рада поболтать.

Спросили шампанского.

– Во-вторых, – продолжала молодая женщина, разливая вино по стаканам, – говорите, кто вы такие? Я терпеть не могу сидеть с незнакомыми людьми и только для вас, как соотечественников, делаю исключение.

Мы назвали свои имена.

– Вам не сродни писатель Амфитеатров? – спросила она меня.

– Это я сам, но – откуда вы знаете мое имя?

Оказалось, что кельнерша выписывает большую петербургскую газету, где я в то время преимущественно работал.

– Вы не удивляйтесь, что я трачу свой заработок на журналы, – улыбалась она. – Хоть я и оторвалась от России, а скучно без родного слова. Я ведь истая русачка... очень русская, как говорит тут у нас в оркестре одна еврейка.

– А можно узнать ваше имя?

– Наталья Николаевна Голицына.

– Ой, какое громкое! – пошутил я.

– Да, это мое несчастье. Помните – как в «Подростке» Достоевского: «Ваше имя?» – «Долгорукий». – «Князь Долгорукий?..» – «Нет, просто Долгорукий». Вот и я просто Голицына.

¹ Из Вены (нем.).

Час от часу не легче! Выписывает русские газеты, толкует о Достоевском... что за феникс такой?

– Вашу фамилию, господин А., я запомнила, главным образом, вот почему. Вы как-то раз напечатали рассказ на такой сюжет. Молодая девушка-дворянка, которой опостытели домашние притеснения от любовницы ее отца, бесхарактерного и дрянного человечки, убежала из дому и поселилась в деревне у своей кормилицы... Вернувшийся из Америки брат застаёт сестру совсем опростелой; она даже собирается замуж за крестьянина... Так я передаю?

– Да, была у меня такая повестушка, и остается лишь удивляться, как вы ее запомнили?

– Скажите: это вымышленная история или из действительной жизни?

– Развитие сюжета, конечно, вымысел; но основа – действительное происшествие.

– Так.

Она тяжело вздохнула.

– Вы хорошо сделали, что оставили свою героиню в тот момент, когда она только собирается выйти замуж за крестьянина... Потому что – если бы вы продолжили свою повесть, – вам вряд ли удалось бы выдержать тот сочувственный тон, каким вы все это рассказывали.

– Вы полагаете?

– Да, потому что я знаю это по опыту. И если вы спросите меня: «Как дошла ты до жизни такой?» – как угораздило меня, женщину из порядочного общества, не без образования, недурную собой, попасть кельнершей в константинопольский кафешантан – я вам отвечу: всему виною мое наизаконнейшее супружество с Василием Павловичем Голицыным, крестьянином... вам все равно, какой губернии, уезда, волости и села. Положим, что «Горелова, Неелова, Неурожайки то ж»! В супружество это меня толкнули черт и идея. А из супружества – после двухлетней каторги... слышите ли? каторги – вырвали необходимость и добрые люди.

Моя девичья фамилия – Сарай-Бермятова, Как видите, «во мне кипела кровь татар». Однако, должно быть, кипела очень давно. Я помню родословное дерево в кабинете моего отца; оно было преогромное – корни крылись где-то за Дмитрием Донским или Иваном Калитой. Мой отец-покойник – не тем будет помянут – проел на своем веку несколько состояний и, чтобы поправить дела, женился на купеческой вдове, очень красивой, нельзя сказать, чтобы умной, но довольно богатой: тысяч на двести-триста капитала. Единственный плод этого брака – ваша покорнейшая...

Матери я не помню: мне было три или четыре года, когда она умерла. Отца помню отлично: изящный такой, седоватый джентльмен с постоянно французской речью и манерами маркиза. Говорят, смолodu был красавец и великий победитель сердец. Сорок лет он прожил на свете баловнем судьбы и превосходнейших наследств: все прямо в рот летели жаренные голуби. «Птичка Божия не знала ни заботы, ни труда». Под старость он вдруг вообразил себя дельцом... Выбрали его директором банка... Как шли в банке дела, не знаю, но в один прескверный день была назначена экстренная ревизия. Папаша в это утро встал очень веселый. За кофе он как ни в чем не бывало шутил со мной и моей гувернанткой – весьма хорошенькою офранцузенной полькой; как я потом узнала, этой барыньке не хватало только развода с первым мужем, чтобы сделаться моей мачехой. Пришел из банка рассыльный – сказать папаше, что его ждут.

– Сейчас, сейчас, сейча-а-ас, – пропел папаша на мотив шансоньетки, – я готова, готова, готова... но тсс! об этом ни слова... молчи!

Встал из-за стола, поцеловав меня в голову, пожал руку гувернантке, прошел, что-то насвистывая, в свой кабинет и... пустил себе пулю в висок! Недели три шумели газеты о его рыцарском расчете с собою: вот, мол, как умирают Сарай-Бермятовы – порядочные люди, без страха и упрека – римляне девятнадцатого века! Не знаю: может быть, это и впрямь очень

красиво быть самоубийцей *a la romaine*²... только римляне, кажется, не растрчивали предварительно чужих денег и не делали нищими своих дочерей.

Осталась я одна-одинешенька: мне шел уже восемнадцатый год. Моя гувернантка, оплавав своего покойного благодетеля, осушила глазки и поступила экономкою *pour tout faere*³ к одному местному тузу. На прощание она дала мне дружеский совет – последовать ее примеру, если к тому представится выгодный случай.

– У вас ничего нет, вы ничего не знаете, избалованы, не готовы к жизни; вы погубите свою молодость в бесполезной борьбе с нуждою... А между тем молодость и красота – капитал. *Ma petit chérie*⁴, помните, что люди бывают молоды только раз в жизни. Хватайте счастье таким, каким оно вас найдет.

Порядочное таки дрянцо была эта госпожа!

Я ее не послушала, а вместо того собрала свои пожитки, сколотила кое-какие деньжонки и махнула в Питер – учиться. Чему – я, когда ехала, еще сама не знала. Призванья у меня не было; все равно – чему, лишь бы потом самой зарабатывать хлеб. Приехала: тпру! без диплома никуда не пускают. Сунулась я экзаменоваться на домашнюю учительницу: провалилась! хорошо, значит, учили дома. Пришлось готовиться сызнова.

Жилось ужасно бедно и чрезвычайно несело. Номерная жизнь и кухмистерская свели меня с множеством таких же, как и я, – чающих движения научных источников... Сложился живой кружок, подвижной и разнообразный; люди менялись в нем, как стеклышки в калейдоскопе. Перевидала я молодежь всяких окрасок: и нигилистов *rig sang*⁵, и социалистов по Марксу, и неосоциалистов, и народников, и почвенников, и толстовцев – и во все эти окраски, разумеется, и сама понемножку отливала цветом, в каждую – своевременно. Я – настоящая русская по натуре: в какую среду ни попаду, сейчас же попаду в тон, заражусь ее взглядами, вкусами, манерами. Один ученый человек доказывал мне, будто это – великое качество русских, будто, благодаря ему, они стали лучшими из колонизаторов. Лермонтов похвалил за него Максима Максимовича, а Гончаров – русских матросов в Японии. Может быть, они и правы, судить не смею; только это качество, как мне кажется, носит в себе задатки большой бесхарактерности, отсутствия самостоятельной мысли и самостоятельных убеждений. Я ни на одном языке не встречала пословицы равносильной «с волками жить – по-волчьи выть»; это – принцип русской податливости и уступчивости.

² По-римски (*фр.*).

³ На все (*фр.*).

⁴ Моя милочка (*фр.*).

⁵ Чистокровных (*фр.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.